

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 148–153

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 148–153

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-148-153>, EDN: LUCUWF

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929Чехов

«Быть» и «казаться»: смысловое измерение жизни в пьесе А. П. Чехова «Иванов»

Ю. В. Воронина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Воронина Юлия Владимировна, аспирант кафедры истории русской литературы, julvoronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9674-4204>

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть философские и социальные аспекты ранней пьесы А. П. Чехова «Иванов», проанализировать соотношение реальности и иллюзии в смысловом измерении жизни персонажей. Мы говорим о «борьбе против борьбы за существование», упоминаемой ещё К. А. Тимирязевым, о потере ключевой цели при столкновении надежд героев и окружающей действительности. Категории «быть» и «казаться», исследуемые нами, играют значительную роль в жизни персонажей. Кажимость выходит и за пределы произведения. Так, герои много говорят о деньгах, но денежное измерение не является ведущим в движении сюжета, а лишь кажется таковым. Речь идёт о долгах, о векселях, счетах в банке, но в реальности персонажи испытывают недостаток средств. Иными словами, деньги царствуют, но не правят, находясь только в иллюзорном измерении, но и там они выполняют анти-дарвиновскую функцию в нравственном и физическом здоровье персонажей. Особое место уделено анализу неопределённости положения и абсурдности поведения главного героя. Иванов стонет под тяжестью бытовых проблем, но как только трудности могут быть устранены, он оказывается неспособным продолжать жить. Выход из поля неопределённости бытия становится для героя фатальным. Анализируя произведение, мы приходим к выводу, что не только Иванов мечется и не может найти смысл своего существования, но и другие персонажи не понимают, кем им быть, а кем казаться. Обретение себя оказывается для главного героя смертельным, а все остальные остаются между бытием и кажимостью, между жизнью для себя и жизнью для других. Последний альтруистический вариант выбирают ключевые женские персонажи пьесы. Эволюция наоборот, крушение надежд и иллюзий, имеет определённые параллели с философией А. Шопенгауэра, А. Камю, Е. Н. Трубецкого.

Ключевые слова: категории «быть» и «казаться», эгоизм, альтруизм, действительность, иллюзия, смысловое измерение

Для цитирования: Воронина Ю. В. «Быть» и «казаться»: смысловое измерение жизни в пьесе А. П. Чехова «Иванов» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 148–153. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-148-153>, EDN: LUCUWF

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“To be” and “to seem”: The semantic dimension of life in the play *Ivanov* by A. P. Chekhov

Yu. V. Voronina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Yulia V. Voronina, julvoronina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9674-4204>

Abstract. The purpose of the study is to consider the philosophical and social aspects of the early play by A. P. Chekhov *Ivanov*, to analyze the relationship between reality and illusion in the semantic dimension of the characters' lives. We are talking about the “struggle against the struggle for existence”, mentioned by K. A. Timiryazev, about the loss of the key goal in the clash of the heroes' hopes and the surrounding reality. The categories of “to be” and “to seem” under study play a significant role in the life of the characters. Seeming to be transcends the limits of the work. Thus, the characters talk a lot about money; however, the monetary dimension is not the leading one in the movement of the plot, it only seems to be so. Debts, promissory notes, bank accounts are talked about, but in reality the characters lack funds. In other words, money reigns, but does not rule, being only in an illusory dimension, but even there it performs an anti-Darwinian function in the moral and physical health of the characters. A special place is given to the analysis of the uncertainty of the situation and the absurdity of the behavior of the protagonist. Ivanov groans under the weight of domestic problems, but as soon as the difficulties can be eliminated, he is unable to continue living. The departure from the field of the uncertainty of existence becomes fatal for the hero. Analyzing the work, we come to the conclusion that Ivanov is not the only one rushing about being unable to find the meaning of his existence, other characters similarly do not understand what they should be and what they should appear or to be. Finding oneself turns out to be fatal for the protagonist, while all the

other characters remain between being and seeming, between living for themselves and living for others. The last altruistic option is chosen by the key female characters of the play. A backward evolution, the collapse of hopes and illusions, has certain parallels with the philosophy of A. Schopenhauer, A. Camus, E. N. Trubetskoy.

Keywords: categories “to be” and “to seem”, selfishness, altruism, reality, illusion, semantic dimension

For citation: Voronina Yu. V. “To be” and “to seem”: The semantic dimension of life in the play *Ivanov* by A. P. Chekhov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 148–153 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-2-148-153>, EDN: LUCUWF

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Оценка философского и мировоззренческого потенциала творчества А. П. Чехова с самого появления его произведений была переменной величиной: от полного нуля до бесконечности. Амплитуду колебаний оценок начала XX в. зафиксировал С. И. Сухих, сопоставив название работы С. Н. Булгакова «Чехов как мыслитель» и реакцию на неё М. Неведомского: «Чехов совершенно не был мыслителем» [1, с. 303]. Ярче всего это выразил Л. Шестов, назвавший сочинения Чехова «творчеством из ничего», совместив таким образом пренебрежительную оценку с божественным видом создания мира из ничего или с гипотезой современной физики происхождения Вселенной из некоторого отрицательного давления вакуума. Впрочем, это не помешало ему отметить, что «А. П. Чехов умеет очень хорошо изложить систему, даже несколько систем мировоззрения» [2, с. 102]. Плотность философской проблематики чеховского героя «Чайки» вопросительно оценил современный исследователь: «Драматург Треплев сочинил ультрафилософский текст – но как принять его всерьез в этом качестве? Он пародийно перегружен обрывками всяческой мировой философии» [3, с. 148].

В пьесе «Иванов» мы без труда можем заметить и элементы эволюционной теории Дарвина, проецируемые на человеческое общество, и метафизическую волю Шопенгауэра, поражающую своего носителя, и предвосхищение экзистенциализма А. Камю, но все они кульминируют в утрате смыслового измерения жизни, как в реальном, так и в иллюзорном его аспекте. Пьеса известна в двух жанровых редакциях: комедии 1887 и драмы 1889 гг. Элементы социал-дарвинизма в них присутствуют, но частично оказываются перевернутыми. Говоря словами К. А. Тимирязева, герои весьма успешно ведут «борьбу против борьбы за существование» [4, с. 596]. В. Б. Шкловский дал такое определение основной теме Чехова: «...это экология. Это человек в мире, им истребляемом» [5, с. 63]. К его словам можно добавить, что это ещё и человек, часто занимающийся истреблением других и самого себя, сознательно или бессознательно.

Это затрагивает как главных, так и второстепенных персонажей. Мы видим акцизного Косых, почти полностью ушедшего в вирту-

альный мир карточной игры, подкаблучника Лебедева, ищущего утешение в винопитии, его жену, миллионершу Зинаиду Савишну, морящую голодом гостей, приглашённых на день рождения дочери, старика Шабельского, не думающего о последствиях для своего здоровья в планировании обмена графского титула на деньги богатой вдовы, неизлечимо больную еврейку Сарру, в православии Анну Петровну, желающую кувыряться в сене, поступать наперекор предписанию доктора. В обоих вариантах – и драматическом, и комическом – денежное измерение жизни кажется господствующим для большинства персонажей, тесня ценности любви, добра и правды, но не оно определяет движение сюжета, а нечто ему противостоящее.

И вот ещё одна странность. В комедии сын фабриканта Дудкина, человек, надо полагать, не бедный, произносит своего рода приговор доминанте общественного порядка: «Я так понимаю, ежели который человек нажил капитал, тому самое лучшее дело – купить револьвер, выстрелить и аминь...» [6, с. 236]. Конечно, это шутка, оговорка, но она звучит приговором русскому капитализму. Лучшим вложением капитала оказывается самоустранение его хозяина. В драме вместо Дудкина действует 3-й гость, который говорит о трудностях вложения капитала, но до самоубийства его хозяина не договаривается. И это понятно, иначе возникла бы параллель с самоубийством героя в финале драмы, тогда как в комедии герой попросту умирает, доведённый до смерти сложившимися обстоятельствами. В драме же упрёк Саше главный герой переносит на всех женщин, совершающих антидарвинистский выбор: «По вашей милости на свете скоро будут рождаться одни только нытики и психопаты» [6, с. 58]. Но сам-то он полностью игнорирует борьбу за выживание, и если следовать его примеру, то финал истории человечества будет самым плачевным. Но перед выстрелом в себя герой успевает объявить, что вернулся к своей молодости, к решительным делам и поступкам. Полнота жизни оказывается тем самым немедленной смертью ($A = \text{не-}A$), что заставляет нас вспомнить идеи метемпсихоза. Возвращение героя в ничто выражает, говоря словами К. Чуковского, и тему самой эпохи – «борьбу человеческой воли с безволием» [7, с. 64].

В работе «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэр акцентирует драматизм прозрения человека, когда он «удивляется и выходит из себя» [8, т. 1, с. 64]. В нашем случае этот выход оказывается смертельным. Как полагает Э. Полоцкая, «в такой смерти, заключающей жизнь ни ангела, ни злодея, но человека, который причинял другим страдания и сам страдал, есть момент произвола, а значит и оценки» [9, с. 110]. Будучи раздвоенным человеком, пока герой осознавал своё промежуточное положение между ангелом и злодеем, Саррой и Сашей, деньгами и симпатией, он сохранял и жизнь. Интуитивно он осознаёт, что может держаться только в поле неопределённости. Он должен, как и доктор Львов, скрывать от жены, что она неизлечимо больна.

Сам Иванов великолепно чувствует необходимость быстрых колебаний между своим домом и пребыванием в гостях. Приехав на вечер к Лебедевым, он почти сейчас же собирается уезжать, но затевает разговор с Зинаидой Савишной о векселе, а потом снова вступает в объяснения с Сашей. Неопределённость спасительна и для Сарры. Пока героиня лишь подозревает Иванова в увлечении другими женщинами, она спокойно отпускает мужа в гости. Но желание непременно знать, чем же занимается муж во время своих визитов к Лебедевым, приводит её, вопреки запретам Иванова и доктора, к вредной поездке в гости. Во время визита к Лебедевым Сарра отмечает сходство доктора и мужа, а разницу видит в том, что Иванов, при всей критике окружающего общества, способен к примирению с ним. Кумир пока ещё остаётся кумиром, доктор похож и не похож на мужа. Сходство оппонентов усиливается тем, что оба они равным образом способствуют скорому уходу женщины из жизни. Доктор тем, что привёз ее на день рождения Саши, а Иванов тем, что не позволил ей сопровождать себя. Доктор Львов не догадывается, что своей непоколебимой честностью он отнюдь не лечит, а вместе с порицаемым им Ивановым губит Анну Петровну. Губит, отступая от своих непререкаемых медицинских правил, привозя её на вечер к Лебедевым как раз в тот момент, когда идёт объяснение между Ивановым и Сашей.

Кстати, сама Саша тоже мечется между собственным домом и усадьбой избранника. Явившись к Иванову с ответным визитом, лишь бы осведомиться о его здоровье, она проходит чёрным ходом и собирается сейчас же уезжать, но задерживается на несколько минут, и Анна Петровна узнаёт о её приезде. Этот второй удар приводит к крушению авторитета мужа. Кумир повержен. Часть превращается в целое. Теперь Анна Петровна убеждена, что муж всегда обманывал её. Желание знать цель визита гости

приводит к тому, что Иванов сообщает жене о её скорой смерти, тем самым выводя её из неведения о своей болезни и приближая её конец.

Реальное движение событий у Чехова часто опережают случайная оговорка, иллюзия, призрачная тень того, что осуществится в будущем. По замечанию Т. К. Шах-Азизовой, «некая предопределённость пронизывает всю ткань его пьес, давая о себе знать во множестве мелочей, в случайно оброненных репликах, в тех внезапных подвохах, которые Судьба поминутно устраивает его героям» [10, с. 272]. Мнимая смерть надвигается на героя в самом начале пьесы, когда управляющий имением Боркин шутит, направляя ему в лицо ствол ружья. Смысловое измерение жизни этого шутника, весельчака и лежца – самые разнообразные проекты обогащения и постоянное враньё. Он готов вступить за честь патрона, но в то же время распространяет о нём самые безобразные слухи, это ложный друг, и поэтому в его шутке есть отголосок истины. «Психопатом и нюней» называет он главного героя, но сам недалеко ушёл от этого состояния. Однажды он сочиняет байку о том, что хозяин имения закупил скот, застраховал его, а потом заразил животных болезнью и получил страховые деньги. Разоблачённый в обмане, он две недели просит прощения у Иванова, но его сплетне окружающие люди охотно продолжают верить, поскольку она в духе денежного измерения жизни. Боркин – своего рода душа общества, новое воплощение Хлестакова. Анализируя гоголевскую пьесу, М. Я. Поляков пишет: «...мотив всеобщности обмана, концепция алогичности всех общественных отношений, двойственности нравственных основ определяет все уровни пьесы от языкового до идейно-композиционного» [11, с. 92]. У героев Чехова к обману добавляется и самообман. Но мысли Боркина в своём кажущемся измерении забегают далеко вперёд, и идея будущей экономической и быстрой биологической войны тоже озвучивается его устами: «Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастёровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц» [6, с. 58]. Граф Шабельский, промотавший своё состояние и живущий в нахлебниках у Иванова, в молодости играл роль Чацкого, но не мог в открытую разоблачать воров и мошенников. Он всегда оговаривается, что «не имеет в виду присутствующих». Однако и он не чужд прозрения, иронически говоря доктору Львову, что «адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают» [6, с. 10]. И здесь Шабельский оказывается прозорливцем, предваряя результат действий честного доктора, максималиста во всех своих прямолинейных истинах.

Доктор предпочитает обнажать практическую истину, хотя и другие или нет. Он искренне полагает, что под маской умного и несчастного человека в Иванове скрывается расчётливый охотник за приданым. Но истину доктор открывает, представляя иллюзию, которая может владеть Николаем Алексеевичем. Предчувствие вопреки практике звучит в суждении доктора Львова о том, что может казаться Иванову: «Если он хоть один вечер проведёт дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб» [6, с. 17]. Конечно, доктор не думает, что такой эгоист Иванов именно так и поступит, но слово о самоубийстве сказано, и оно забегаёт вперёд, а смысл и событие уже являются за ним.

Своё предсказывающее значение заключается в вечернем крике совы, который постоянно слышит больная Анна Петровна. Со времён ранней античности эпитет совокая применялся к богине мудрости Афине, и жена Николая Алексеевича Иванова точно предвидит, что её муж едет развлечься с другими женщинами. Однако в христианстве поздней античности «совы служили аллегорическим изображением земного сумасбродства» [12, с. 534]. Прекрасно зная, чем ей грозят нервные потрясения, больная женщина принимает решение, укорачивающее ей жизнь: отправляется вслед за своим мужем на вечер к Лебедевым.

Уже умерев, Сарра призрачной тенью появляется накануне свадьбы бывшего мужа в воспоминаниях Шабельского. Увидев виолончель, старик вспомнил о своей партнёрше по музыкальным дуэтам. Когда-то он сравнивал её слух со слухом «фаршированной щуки», теперь она кажется «чудной, превосходной женщиной» [6, с. 68]. При этом всех остальных он называет подлыми и гадкими, не исключая и себя. Отец невесты сравнивает его речи с карканьем вороны, а это тоже знак несчастья. До конца реализуется и аллегория с совами. В русле христианской символики над изображениями сов часто рисовали кресты как знак преодоления ненормальности. В этом смысле отсутствие Иванова в церкви перед свадьбой с Сашей делает трагическим его прозрение о самом себе в финале пьесы и не налагает запрет на самоубийство.

Главный герой по должности «непременный член по крестьянским делам присутствия», т. е. когда-то этим делам он посвящал какое-то время, но на протяжении всего действия пьесы о тружениках не вспоминается. Ни единой фразы, разве что в начале пьесы Боркин напомним, что рабочим нужно заплатить 82 рубля. У помещика тысяча десятин земли, а таких денег не находится, зато по ходу дела выясняется, что некий Мильбах должен Иванову шестнадцать тысяч, но требо-

вать их с должника главный герой почему-то не собирается. И если для большинства персонажей денежное измерение – эквивалент успешности, то для героя, остро нуждающегося в деньгах, они неуместны ни займы, ни в качестве дара. Он отказывается от помощи отца Саши Лебедевой, которая в него влюблена, чтобы уплатить проценты по векселю её матери. Он не является экономическим человеком.

Со слов Саши мы знаем, что около Иванова обогащались все, и, разумеется, он растратил своё состояние. И так, рациональное хозяйство превратилось в иррациональное, деньги нужны и не нужны, он весь в долгах. В реальности он не деловой человек, не предприниматель, не хищник, вроде Лопахина из «Вишнёвого сада», и его нельзя судить по меркам преуспевания того времени. Но его судят и осуждают вполне в духе эпохи, и многим персонажам он представляется именно таким: хищником, глотающим добычу без зазрения совести. В один голос миллионерши Зинаида Савишна и Бабакина твердят, что из корыстных соображений герой женился на еврейке, «думал, отец и мать за ней золотые горы дадут» [6, с. 29]. Играющий роль честного человека доктор Львов видит в Иванове дельца, созвучного хищнической эпохе капитализма. По мнению Львова, не чувство любви, а холодный расчёт получения богатого приданого двигал Николаем Алексеевичем и в истории с Саррой, и повторно в ожидаемом браке с Сашей Лебедевой. Более того, некоторые действия Иванова он истолковывает как намеренное ускорение течения неизлечимой болезни Сарры к смерти, с тем чтобы развязать себе руки для женитьбы на молоденькой девочке. А страдания самого Николая – это всего лишь маска, которую он должен сорвать. Это его долг, почти божественное дело, отправляющее грешника в ад. С каким пафосом он говорит: «Когда я сорву с тебя проклятую маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в такую яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила!» [6, с. 63]. Тем самым в драматическом варианте, по христианским понятиям, Иванов совершает страшный грех, а кажущийся самому себе правдолюбом доктор доводит выполнение своего обещания до конца. Происходит своего рода резонанс: «его “правда” (при одновременном отрицании “правды” другого) в конечном счёте ведёт к суммарному и общему страданию» [13, с. 127].

Но стрела ниспровержения, пущенная доктором Львовым, летит в обе стороны, ибо признаётся высокое положение героя на седьмом небе, т. е. там, где, как повествует апокрифический Енох, «И увидел я безмерно яркий свет и всё огненное воинство великих архангелов, бесплотных сил,

господствующих начал и властей, херувимов, серафимов, престолы и десять полков многоокого светлостояния» [14, с. 99], там же располагается и Бог. Сверхзадача Львова, стало быть, сбросить Иванова с пьедестала ангела. Но кому он представляется ангелом, если даже сочувствующий ему Лебедев, называя его «путёвым малым», характеризует его как начинающего сумасшедшего, который, «кажется, уж беситься стал» [6, с. 27]?

Возможно, словами и поступками доктора руководит не только странно понимаемая им честность, но зависть и ревность? В одном из предполагаемых вариантов доктор признавался Иванову, что влюблён в его жену, но в канонический текст это не вошло. На седьмое небо возносили Иванова женщины. Николай производил на них ошеломляющее впечатление, казался им идеальным человеком, был их кумиром. Любовь поражает Сарру, воспитанную в строгих правилах иудаизма, мгновенно: «Взглянула, а мышеловка меня – хлоп!» [6, с. 26]. От шага в мышеловку не остановили ни вера, ни проклятия родителей, ни то, что бесприданницей она вошла в дом мужа. Как пишет А. Шопенгауэр, влюблённость «может достигнуть такой степени, что без её удовлетворения все блага мира, даже самая жизнь теряют всякую ценность» [8, т. 2, с. 548]. История с Сашей во многом повторяет судьбу её предшественницы. Она вспоминает, как ещё девочкой, застав уставшего Иванова спящим на диване, стала на страже у дверей комнаты, чтобы никто не потревожил его покой. Все остальные «нормальные» люди, окружающие Сашу, таковы, что «на них глядя, мухи мрут, и лампы начинают коптеть» [6, с. 30]. Смысл жизни для Саши – выбор избранника, один раз, навсегда и до смерти. Без Иванова она задохнётся, а с ним «куда хотите, хоть в могилу» [6, с. 42]. Безоглядная любовь Саши весьма романтична. Полнота бытия граничит с полным небытием. И возникают параллели с балладами о мёртвом женихе. Но, как печально замечает Шопенгауэр, «обладание и счастье всегда даны случайностью взаимны лишь на определённое время и могут быть в любой момент востребованы. Между тем страдание всегда основано на исчезновении подобной иллюзии <...>» [8, т. 1, с. 221].

Исследователь Б. Зингерман утверждал, что всё окружение героя – «уездные люди – шваль безвременья» [15, с. 202]. Это не совсем так. И Сарра, и Саша – тоже показатели самоотверженности своего времени. Много говорится о деньгах, но они в общем сюжете пьесы занимают малое место. Даже промотавшийся аристократ граф Шабельский способен к самокритике и отнюдь не рвётся соединить себя узами с богатой вдовушкой, прекрасно понимая, что это «гнус-

ность». Человеческое измерение просвечивает и в бескорыстном подкаблучнике, отце Саши Лебедевой, для которого главное – счастье дочери.

В итоге все персонажи пьесы так или иначе оказываются в ловушке, расставленной судьбой: «Ивановы борются впустую, и такая борьба вредна для них и для общества» [16, с. 139]. Брак Анны Петровны и Николая Алексеича оказался бесплодным в духовном и физиологическом плане. Воспоминание Шабельского об умершей Анне Петровне сделало невозможным его брак с обменом титула на деньги, позволившие бы уехать в Париж, поплакать на могиле бывшей жены. Мышеловка для многих персонажей захлопывается помимо их желания (или же благодаря их бездействию). Некоторые боятся расстаться с иллюзиями и встретиться с действительностью лицом к лицу. Другие, стремясь открыть всем глаза на неприятную правду, не задумываются о том, как их действия скажутся на остальных. Вырваться из этой западни для героев не представляется возможным без отчаянного поступка. Саша предлагает Иванову бегство в Америку и слышит ответ избранника, что он не в силах дойти даже до порога. Как пишет Г. И. Тamarли, знаком борьбы и отказа от неё «становится бытовая реальность – п о р о г: в судьбе опустившегося человека должен произойти поворот, из кризиса нужно искать выход, девушка зовёт к действию, Иванов даёт свой вариант – он застреливается» [17, с. 139]. У героя больше не было идеалов молодости, и, как говорит В. Г. Одинокоев, «энергия движения без идеала впереди обесмысливается» [18, с. 103]. Да, прежний Иванов, внезапно пробудившийся, не видит цели. Теряется всё-таки не идеал, а смысловое измерение жизни.

Не совсем прав В. Г. Одинокоев, сопоставляя финалы «Иванова» и «Татьяны Репиной», где, по его мнению, «автор создал развёрнутую картину счастливого бракосочетания героя, который женится второй раз после того, как умерла его первая жена – Татьяна Репина» [18, с. 104]. Здесь «счастливое» бракосочетание едва не приводит Петра Сабина к подлинному раскаянию или к сумасшествию, он признаётся товарищу, что «едва не умер» [6, с. 93]. Да, и его держат крепкие мужские руки, ведущие его к невесте, выходящей замуж повторно. А Иванова слабые руки Саши от рокового выстрела не удержали. Татьяна Репина, по всей видимости, из артистической среды и официальной женой Петра Сабина не была.

Иванов не стремится расквитаться со своим обидчиком, не спорит со Львовым, не обличает его в ответ, не вызывает на дуэль. Герой видит только одного виновника своих несчастий – самого себя, и в смерти к нему наконец приходит

избавление от апатии, грусти и одиночества, которые его поглотили и уже не дали бы никаким идеалам молодости прорваться наружу. Как пишет А. П. Скафтымов, «в “Иванове” источником драматического положения героя (Иванова) является не какое-либо частное обстоятельство и не отдельные люди, а вся действительность в целом» [19, с. 438]. Очень похоже звучит утверждение С. Н. Трубецкого: «Круговращение не есть что-то только воображаемое нами. Ад таится уже в той действительности, которую мы видим и наблюдаем, чуткие души в самой нашей повседневной жизни распознают его в несомненных явлениях» [20, с. 39]. Перед трагическим выстрелом Иванов отвергает то, что многим смягчает «ад действительности»: утешение вином, плохие стихи, лень как высокое предназначение.

Потеря смыслового измерения жизни и в реальном, и в иллюзорном аспекте оказывается трагичным событием в жизни героев. Иллюзия любви и жизни была необходима Сарре, но её муж, бесцеремонно разрушив то единственное, чем женщина жила в последние годы, доводит её до смерти «правдивым» известием. Здесь он оказывается двойником правдолюбца доктора Львова. В этом смысле предстоящая женитьба на Саше – второй круг нисхождения. Он видит, что за этот год доставил ей столько хлопот, что она «постарела на пять лет», что своим нытьём и унынием заражает общество. Он отвергает всё то, кем он казался в глазах окружающих: шарлатаном, обиженным судьбой, нуждающимся в помощи, пророком. Во всём этом не было смысла. Остаётся застрелиться. Но остаётся и парадокс. Пока Иванов был нагружен всевозможными долгами, материальными и нравственными, пока его счастью с Сашей угрожали препятствия, он жил, сражаясь с судьбой, но вот возможность освобождения от этих препятствий погубила его. Это выглядит так, как если бы мифическому Сизифу сказали: «сейчас тебя освободят от бессмысленного труда», и тот от горя самоуничтожился бы. Впрочем, как выразился А. Камю, «Абсурд – это ясный разум, осознающий свои пределы» [21, с. 319].

В «Иванове» все столкновения с реальностью оказываются болезненными для героев, а некоторые из них даже фатальными. Но за всем этим множеством масок и ролей, которые пытаются играть герои, возникают более глубокие вопросы. Так ли первичен эгоизм в человеке? Может быть, первичен именно альтруизм? Не проступает ли в масках и ролях Сарры и Саши истинно человеческое желание жить для других и во имя других.

Список литературы

1. Сухих С. И. Проблемы поэтики Чехова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. 492 с.
2. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. М. : АСТ, 2004. 312 с.
3. Бочаров С. Г. Чехов и философия // Вестник истории, литературы, искусства. Отделение ист.-филол. наук РАН. М. : Собрание ; Наука, 2005. С. 146–159.
4. Тимирязев К. А. Избр. соч. : в 4 т. М. : Сельхозгиз, 1949. Т. 3. 644 с.
5. Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М. : Современный писатель, 1981. 352 с.
6. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т. Т. 12. М. : Наука, 1986. 424 с.
7. Чуковский К. И. Современники: Портреты и этюды. Минск : Народная асвета, 1985. 598 с.
8. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 1. 672 с. Т. 2. 672 с.
9. Полоцкая Э. А. О поэтике Чехова. М. : Наследие, 2001. 240 с.
10. Шах-Азизова Т. К. Линия Гамлета, или Герой драмы перед лицом рока // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова ; сост. Т. Б. Князевская. М. : Наука, 1994. С. 268–277.
11. Поляков М. Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. М. : Советский писатель, 1986. 480 с.
12. Ирмишер Й., Йоне Р. Словарь античности : пер. с нем. М. : Прогресс, 1989. 704 с.
13. Катаев В. Б. К пониманию Чехова. М. : ИМЛИ РАН, 2018. 246 с.
14. Еремеев С. И. Книга тайн Еноха // Гностики или о «лжеимённом знании» / сост. С. И. Еремеев. Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1997. С. 93–101.
15. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. М. : Наука, 1988. 384 с.
16. Меве Е. Б. Медицина в творчестве и жизни Чехова. Киев : Здоровье, 1989. 286 с.
17. Тамарли Г. И. Поэтика драматургии Чехова (от склада души к типу творчества). Таганрог : Изд-во Таганрогского пед. ин-та, 2012. 239 с.
18. Одинокое В. Г. Пьеса А. П. Чехова «Иванов»: лабиринт художественных сцеплений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 2. С. 98–106.
19. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М. : Художественная литература, 1972. 543 с.
20. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М. : АСТ ; Фолио, 2000. 656 с. (Религиозная философия).
21. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов : сб. / сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М. : Политиздат, 1989. С. 222–319. (Библиотека атеистической литературы).

Поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 19.11.2022; принята к публикации 30.01.2023
The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 19.11.2022; accepted for publication 30.01.2023